

Парижский Осенний фестиваль открылся "Песнями марокканских женщин" в театре "Буфф дю Нор" и спектаклем Клода Режи по пьесе Йона Фосса "Кто-то должен прийти" в театре "Нантер дез-Амандье". Клод Режи, создатель независимой театральной труппы "Современные мастерские", никогда не соглашавшийся возглавить государственный театр, в свои 76 лет продолжает сохранять репутацию театрального экспериментатора — может быть, одного из последних поэтов театра уходящего века. Отвергая как театр реалистический (который он презрительно называет "натурализмом"), так и психологический, Режи проповедует театр как "священный текст": нет персонажей, нет психологии, есть только актер как инструмент проникновения в тайну текста и сам текст, продолжающийся в подсознании и воображении как играющего, так и зрителя. Не случайно одной из главных задач "Современных мастерских" стало открытие новых современных авторов. Именно Режи первым открыл на французской сцене

Йон Фосс, самый играемый в мире норвежский драматург после Ибсена.

Возможно ли быть «одним вместе на краю света»?

«Кто-то должен прийти»
Йона Фосса
в театре
«Нантер — дез-Амандье»

Гарольда Пинтера, Бото Штрауса, Петера Хандке, Тома Стоппарда — драматургов, с тех пор ставших по-своему "классиками" современного театра. На этот раз Клод Режи открывает французской публике Йона Фосса, самого играемого в мире норвежского драматурга после Ибсена. В самом деле, именно с Ибсеном — не по стилю, а по значимости — сравнивают сорокалетнего Фосса, автора 15 романов и десяти пьес, из которых "Кто-то должен прийти" (1992) — первая, его современники.

"У меня только неудачные тексты лишены двойственности, хорошие же можно вертеть, как перчатку", — говорит о себе Йон Фосс. Манера Фосса, отвергающего ясность и однозначность прочтения своих пьес, не могла не привлечь Режи, у которого неясность, смутность смысла становится основополагающим принципом искусства театра: искусство должно быть неясно, "obscure", по определению. Для осуществления своих театральных экспериментов с новыми текстами Режи всегда выбирал больших актеров: Мадлен Рено для Маргерит Дюрас (1968), Жерара Депардье для Эдварда Бонда (1972) и Петера Хандке (1974) вместе с другими любимыми своими актерами — Жанной Моро, Сами Фреем, Майклом Лонсдейлом. В спектакль по Фоссу Режи пригласил самых, может быть, интересных актеров молодого поколения — Валери Древилль и Марсиаля ди Фонзо Бо.

Сцена в "Кто-то должен прийти" имеет два уровня. Первый, освещенный, — длинный узкий деревянный помост вдоль авансцены. Второй, много ниже, погружен в полумрак и туман, из которого возникает макет дома — кажется, в подлинную величину, настолько пространство этого второго уровня воспринимается неограниченным. Дом этот — одновременно реальность и призрак, словно выплывший из сна. Оттуда, со второго уровня, медленно, очень медленно, как бы преодолевая незримые препятствия (может быть, тоже выплывшие из сна), восходят на авансцену Она и Он. "Ты и я — одни и вместе". "Красивый старый дом вдали от других домов и других людей". "Ты и я совсем одни". "Не просто одни, но одни вместе". Они произносят эти фразы очень медленно, как будто слова выходят из пустоты и возвращаются в пустоту, как будто тишина между словами тоже входит в партитуру текста, а слова складываются в фразу так же медленно, как и движения. Одни и те же фразы постоянно повторяются — от него к ней — как тема и вариации. Постепенно складывается музыка текста: мужчина и женщина купили этот заброшенный старый дом на берегу моря, "на краю света", чтобы оказаться вместе вдали от людей.

Одновременно вступает контртема. Она (В. Древилль) время от времени произносит: "Кто-то должен прийти". Он (М. ди Фонзо Бо) ее успокаивает: "Мы одни вместе на краю света". Но этот "кто-то" все-таки приходит. Кто-то — это третий персонаж пьесы (Янн Будо), названный у Фосса просто Мужчиной, бывший владелец дома, одиноко живущий где-то поблизости. Он приходит и тут же вступает в двусмысленные отношения с Нею. Циник и животное, Мужчина не может не вызывать ревности у Него. Навязчивой идеи ревности. Все дальнейшее действие развивается вокруг смутных ощущений и чувствований этих двоих при зримом и незримом постоянном присутствии Третьего.

Клод Режи прочитывает этот классический треугольник по-своему: Он и Она — это две части раздвоенного сознания человека, а Мужчина, их постоянный спутник, — извечно присущая человеческому сознанию тревога. Конечно, к этому спектакль Режи не сводится, и в нем можно угадать другую тему, названную Фоссом в романе "Меланхолия": "Любовь как бездна, в которой перемешаны убийство и сострадание". Именно так играет Валери Древилль. Когда она пытается приласкать своего возлюбленного, измученного присутствием Третьего, ее лицо озаряется какой-то удивительной нежности улыбкой, как будто она излучает ее всем своим существом, но вот в следующей сцене, молчаливая и словно нарочито отсутствующая в присутствии незваного гостя, она аккуратно прячет в кошелек его телефон — и в том, как она это делает, таится какой-то скрытый намек. Или угроза. Как будто в самом деле быть "вместе совсем одним" в этом мире мужчины и женщине невозможно. Или все-таки возможно, и нужно только преодолеть мучительное одиночество, как, кажется, преодолевают земное притяжение в каждом движении и каждом слове сами исполнители спектакля Режи?

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ